

Русский поворот направо

Обсуждение дискуссии

Рышард Лучин

Открывая дискуссию, **Лукаш Павловский** подверг сомнению правомерность рассуждений на тему российской политики в категориях «левых» и «правых». Ссылаясь на Энн Аппельбаум, он заявил, что приоритеты Кремля – к которым она причисляет нарушение единства Евросоюза и Североатлантического альянса – едва ли можно классифицировать по этой модели. По мнению редактора издания *Kultura Liberalna*, путинская правящая элита сосредоточена прежде всего на удержании власти, а также на сдерживании социальных волнений, поэтому любая идеология играет инструментальную роль.

«Это не так, что в России к власти пришли какие-то циничные хулиганы и ведут свою политику без оглядки на факты и общественное мнение, – заявил **Артемий Магун**, возражая против заявлений Павловского. – Такая власть не продержалась бы больше года, а ведь современное правительство именно благодаря постоянной поддержке народа функционирует уже более 15 лет». С ним согласился **Алексей Чадаев**. Ссылаясь на свой многолетний опыт работы в Кремле, он отметил, что исследования общественного мнения – ключевой инструмент ежедневной работы чиновников. По его выражению, «решения, принятые Путиным в течение последних пятнадцати лет, которые бы не отражали воли народа, можно пересчитать по пальцам одной руки». Ему вторил **Иван Преображенский**: «Российская власть абсолютно зависима от общественного мнения». При помощи опросов она постоянно «тестирует» настрои россиян, пытаясь предугадать их реакции на свои шаги. Однако этот процесс, по мнению Преображенского, идет в двух направлениях – с одной стороны, Кремль руководствуется в своих действиях мнением общества, но с другой, пытается это мнение формировать при помощи пропаганды.

Кроме формирования общественного мнения, путинская пропаганда стремится – что подчеркивает **Мария Снеговая** – снискать лояльность народа. Эйфория от настоящих или мнимых победы России, транслируемая практически в режиме реального времени СМИ, призвана стать для россиян компенсацией за вызванное кризисом ухудшение уровня жизни, низкие цены на нефть, европейские санкции и российские антисанкции. По определению Алексея Чадаева, это своеобразная «война телевизора с холодильником», в рамках которой – по заявлению Снеговой – в качестве альтернативы пустым полкам в магазинах и высоким ценам на продовольствие обществу предлагается чувство роста могущества страны и возвращение к империалистической политике. Все

это должно стать ответом на бытующий в социуме «постимпериальный синдром» и ностальгию по «старым добрым временам» Советского Союза.

По мнению Ивана Преображенского, причина агрессивных действий Москвы на международной арене кроется все же в другом. Он подчеркнул, что Кремль не стремится восстановить империю, а вызываемые им конфликты – во главе с аннексией Крыма и войной в Донбассе – связаны с первой в истории России попыткой создания национального государства в европейском понимании этого слова и желанием определить новые границы подобного организма. Однако, как заметила Снеговая, растущий национализм не объясняет российской военной операции в Сирии, причиной которой, по ее мнению, является попытка вернуть прежние геополитические позиции страны.

Мария Снеговая заявила: чтобы снискать доверие общества, российские власти используют также другой метод – применяемую Путиным политику редистрибуции (перераспределения), при помощи которой он обеспечивает себе лояльность широкой группы россиян, зависимых от бюджетных средств. С этим тезисом не согласился Артемий Магун, по мнению которого, «российский режим ничего не перераспределяет – он сидит на мешке с золотом и ни с кем не делится». На это указывает, в числе прочего, исключительно низкая (ок. 100 евро) средняя пенсия. По мнению Снеговой, это не доказывает отсутствия редистрибуции, а лишь указывает на низкий уровень, с которого она начинается. Как отметила эксперт, реальные доходы россиян значительно возросли даже в кризисных 2009–2010 гг., что уникально в мировом масштабе. Однако данная стратегия не может продолжаться вечно. Из-за кризиса в бюджетной сфере начинает ощущаться нехватка средств для поддержки социальных групп, которые до сих пор эту поддержку получали. Более того, как подчеркивала **Екатерина Кузнецова**, стратегия обеспечения лояльности путем использования символической сферы также имеет свои ограничения, поскольку в долгосрочной перспективе может функционировать «только при полном холодильнике». Таким образом, продолжительный кризис повлек бы за собой серьезную опасность для режима.

Участники дискуссии не согласились с тем, что в российском контексте действительно можно говорить о «повороте направо». При этом сложно однозначно ответить на вопрос, трактуется ли привязанность к традиционным ценностям, декларируемая властью с момента начала третьего срока Владимира Путина, полностью инструментально. Приводя в пример высокий – и продолжающий расти – уровень редистрибуции в России, Алексей Чадаев доказывал, что если и можно говорить о каком-либо повороте, то это был бы поворот налево. Иван Преображенский также согласен с тезисом, что российское общество не обращается к правым ценностям. Это, однако, не означает, что в России не происходит консервативного поворота. В России консервативными считаются совершенно другие ценности, чем в Европе – подчеркивал эксперт. Если показателем консервативного поворота в Польше может быть возобновление дебатов на тему полного запрета аборта, то в России возможность прерывания беременности как раз признается традиционной.

Преображенский обратил также внимание на низкий, особенно в сравнении с Польшей, уровень участия россиян в религиозных практиках, который составляет, по данным различных исследований, от двух до семи процентов. Одновременно можно отметить потребность идеологического и символического разрыва с советской системой. Это создает благоприятную почву для пестуемого Кремлем идеологического проекта. С такой трактовкой согласился Артемий Магун, добавив от себя, что уже в течение продолжительного времени российская элита склоняется в сторону консервативных ценностей, правда, не совсем отдавая себе в этом отчет. Осознание курса, по которому она двигалась, пришло лишь перед лицом протестов либеральных кругов в 2011–2012 гг., и именно в оппозиции к ним произошла консолидация консервативной риторики. Несмотря на то, что действительно часть общественного мнения формировалась при помощи пропаганды, то, по мнению Магуна, в первой декаде XXI века консерватизм стал настоящим ядром, вокруг которого начали концентрироваться ценности россиян.

На параллели между российским и польским «консервативным поворотом» обратила внимание Мария Снеговая. По ее мнению, в обоих случаях мы имеем дело с реакцией на либеральные реформы, которые были запущены после падения коммунизма. Ответом на них явилось определенное «отступление» обществ в сторону общинных и националистических ценностей. С этим не согласилась Екатерина Кузнецова. Эксперт считает, что нельзя говорить о реакции на «слишком большое количество рынка» в России, поскольку настоящей рыночной экономики здесь никогда не было. Более того, по ее мнению, трудно в принципе говорить о массовой поддержке консервативных ценностей. Доказательством приверженности к какой бы то ни было идее, – как подчеркнула эксперт, – может быть только готовность к ее защите, а если мы говорим о консерватизме, то у россиян подобной готовности не отмечается, тогда как кремлевский традиционализм – искусственный идеологический проект, управляемый из правительственных кабинетов.

Во время встречи также обсуждался вопрос о том, что произойдет в России после смерти Владимира Путина. По мнению Екатерины Кузнецовой, Путин очень много значит для общества как авторитет, которому нет альтернативы. По ее словам, «у России не было своего папы римского». Одновременно эксперт обратила внимание на факт, что неуверенность в том, «что будет после Путина», частично целенаправленно нагнетается, чтобы укрепить позицию президента. В настоящее время на горизонте не видно никого, кто мог бы его заменить, поэтому, по мнению Кузнецовой, возможен сценарий, при котором после смерти сегодняшнего хозяина Кремля наступает период смуты и борьбы за власть. И все же Путин, скорее всего, будет пытаться реализовать сценарий передачи власти в соответствии со схемой, которая ему самому позволила сменить на посту президента Бориса Ельцина. Другую точку зрения высказал Алексей Чадаев. По его словам, когда Путин был премьером, смуты не было, хотя он не особенно интенсивно предавался управлению, поскольку «два дня в неделю проводил на работе, а остальное время в Сочи в бассейне или в спортивном зале». Процесс передачи власти вновь произойдет в контролируемых условиях, на принципах, удобных Путину. Как заключил Чадаев, у Кремля уже есть список его потенциальных преемников и он тестирует их во всех возможных ситуациях.

Дебаты "Русский поворот направо" произошли в Фонде им. Стефана Батория 12 апреля 2016 в рамках VIII встречи Клуба ПЛ_РУ.

The Stefan Batory Foundation

Sapieżyńska 10a
00-215 Warsaw
Poland
tel. +48 22 536 02 00
fax +48 22 536 02 20
batory@batory.org.pl
www.batory.org.pl

Publication is licensed under
the Creative Commons
Attribution-ShareAlike 3.0
Unported Licence (cc BY-SA 3.0)

ISBN